
ДАРИ МИТ
Кровавые шелка
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Дари Мит
Кровавые шелка

https://litres.ru/74896743
SelfPub; 2026

Аннотация

У Кавьи Десаи есть всё, о чём она мечтала: собственный модный дом, успешная карьера и жизнь, в которой она сама устанавливает правила.

Но однажды на её пути появляется человек, перед которым преклоняются два штата. Безжалостный криминальный авторитет, пользующийся уважением далеко за пределами собственных владений, — Махеш Кулкарни.

Одна встреча с ним и случайное увлечение обернутся для Кавьи куда большими последствиями, чем она могла представить.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 25
Глава 4 26
Глава 5 35
Глав 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Дари Мит
Кровавые шелка

Глава 1

Махеш.

Периметр закрытого крыла отеля «The St. Regis» был перекрыт ещё за два часа до начала этого проклятого шабаша.

Мои люди в строгих костюмах и с незаметными микронаушниками в ушах стояли у каждого пожарного выхода, блокировали вип-лифты и лениво отсекали назойливых папарацци на подземной парковке. В Мумбаи никто не задавал лишних вопросов, когда служба безопасности Кулкарни брала здание в кольцо: полиция молча отводила патрули на соседние кварталы, а охрана отеля с благоговейным ужасом кланялась моим парням.

Для всего мира я был почтенным инвестором, чьи танкеры разгружались в порту Джавахарлала Неру, а киностудии штамповали блокбастеры. Для тех, кто знал изнанку этого города, я был человеком, чьё слово стоило дороже государственного закона. Если доны других штатов хотели провести через мои порты контейнеры с незадекларированным зо-

лотом или отмыть сотни миллионов рупий через киноиндустрию Болливуда — они выстраивались в очередь к моему столу.

И вот этот самый человек — сорокалетний названный король Мумбаи — сидел в первом ряду душного подиума среди щебечущих жен богачей, надушенных мажоров и критиков с кислыми лицами. А всё потому, что ровно неделю назад моя младшая сестра устроила в особняке персональный апокалипсис.

— Махеш! Ну братец! Ну пожалуйста! — звенел в ушах её восторженный крик, когда она буквально повисла на моих плечах в кабинете, рискуя залить слезами документы на портовые доки. — Это же Кавья Десаи! Ты не понимаешь, это лучший дизайнер страны! Все кланы стоят в очереди на полгода вперёд, чтобы она сшила им наряды! А сразу после этого показа она улетает в Швейцарию! Её снова не будет в Индии месяцами! Ну когда ещё выпадет такой шанс увидеть её коллекцию вживую?! Ты же обещал мне грандиозный подарок на восемнадцатилетие! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Перед врагами, направлявшими на меня дула револьверов, я не моргал. Перед министрами, требовавшими взяток, не опускал глаз. Но перед умоляющими щенячьими глазами Теджашри я был абсолютно бессилен.

Теперь моя маленькая сестрёнка сидела справа от меня, вцепившись пальцами в свой миниатюрный клатч, сияла как

начищенная золотая пайса и чуть ли не подпрыгивала на мягком бархатном кресле от нетерпения.

— Брат, начинается! Смотри же, умоляю, отложи свой телефон! — зашептала она мне на ухо, дергая за край безупречно отглаженного пиджака от Brioni.

— Смотрю, Теджу, смотрю, — проворчал я с глухой усмешкой, даже не отрывая взгляда от светящегося экрана.

В мессенджере висел срочный отчёт от Рудры: таможня задержала партию оборудования в доках Нава-Шева, чиновник заломил двойную таксу. Я быстро набрал короткий ответ: *«Передай ему, что если контейнеры не покинут порт к полуночи, его сын потеряет лицензию на медицинскую практику в Дели. Денег не давать»*.

Внезапно тяжелый бас сабвуферов перекрыл фоновый шум зала. Приглушённый золотистый свет залил длинный зеркальный подиум. Из скрытых динамиков полилась глубокая, пульсирующая смесь традиционного ситара и современного гипнотического бита. Голос диктора, глубокий и бархатный, эхом прокатился под высокими потолками:

— Дамы и господа. Дом высокой моды "KĀVYA DESAI / HÉRITAGE" представляет коллекцию прет-а-порте "Шёпот Ганга". Встречайте создательницу коллекции — Кавью Десаи.

Зал взорвался аплодисментами. Теджашри рядом со мной издала восторженный писк и принялась хлопать с таким остервенением, будто встречала премьер-министра. Я маши-

нально заблокировал экран смартфона и нехотя поднял голову.

Из глубины занавеса, залитая мягким контрастным светом софитов, на подиум шагнула женщина. Я видел её лицо пару раз на обложках глянцевых журналов, которые вечно валялись в гостиной сестры. Но плоская типографская бумага безбожно врала. Камера не могла передать и сотой доли той дикой, царственной породы, которая сейчас буквально выбила из меня весь дух.

Чистокровная гуджаратская кровь. Опасная, густая, сводящая с ума.

*Она*плыла по подиуму, неся себя с той непостижимой грацией, от которой у мужчин непроизвольно пересыхает во рту. На ней было сари сложнейшего жемчужного оттенка — струящийся, тончайший шёлк с переливами лунного камня, расшитый серебряной гладью и микроскопическим речным жемчугом. Ткань не просто скрывала её, она бесстыдно ласкала каждый изгиб её безупречного тела. Тонкая, изящная талия, на которой в такт шагам покачивалась тонкая серебряная цепочка — *камарбандх*, позвякивая микроскопическими колокольчиками. Высокая, тугая грудь, затянутая в крошечный жемчужный чоли, оставляющий открытыми гладкие золотистые рёбра и полоску смуглого живота. Длинная шея, на которой ритмично раскачивались массивные серьги-джумки, осыпая искрами её ключицы. Густые, смоляные волосы крупными шелковистыми локонами рас-

сыпались по обнажённым плечам. А глаза… *Блять*. Глаза пантеры, очерченные густым черным каджалом, смотрели в зал с ледяным, насмешливым превосходством.

Сердце внутри моей грудной клетки пропустило удар, а затем сорвалось в бешеный галоп, ударив по вискам раскалённой лавой. Я оцепенел. Пальцы одеревенели. Мой тяжелый титановый смартфон выскользнул из ослабевшей руки и рухнул на ковролин прямо под ноги.

— Черт… — сорвалось с моих губ хриплым, сдавленным шепотом.

Теджашри даже не заметила: она снимала подиум на видео, открыв рот от благоговения.

Я судорожно нагнулся, подобрал трубку, пытаясь вернуть контроль над собственным телом. Пальцы мелко дрожали от адреналина.

Что это за наваждение? Мне сорок лет. Через мою постель прошли десятки самых красивых актрис Мумбаи и дочерей махараджей. Меня невозможно было пробить смазливым женским лицом.

Я медленно выпрямился, снова вскинув взгляд на подиум. Кавья дошла до края, коротко поклонилась со сложенными у груди ладонями, одарив вип-ложу вежливой полуулыбкой, и грациозно развернулась, чтобы пойти назад.

Мой рассудок окончательно разбился в щепки.

Сзади сари обтягивало её бёдра с такой неприличной плотностью, что у меня перехватило дыхание. Каждое дви-

жение её ягодиц под струящимся жемчужным шелком было гипнозом. Упругие, округлые, совершенные. Ткань натянулась на теле, очерчивая волнующий рельеф так отчетливо, будто она шла передо мной обнаженной.

Горло сдавило судорогой. Я резко схватился пальцами за шелковый узел своего галстука и с силой оттянул его от шеи, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. Воздуха в зале внезапно стало катастрофически мало. В голове вспыхнула дикая, первобытная, темная мысль: *догнать прямо там, за кулисами, сгрести в охапку этот гребаный шёлк, прижать к стене и впиться зубами в это аппетитное бедро. Проверить на вкус. До синяков. До крика.*

— Братец? Ты чего такой бледный? — раздался сбоку встревоженный голос Теджашри.

Я моргнул, с трудом отрывая взгляд от исчезающей за кулисами женщины. Ладони были влажными.

— Всё нормально, Теджу, — хрипло отозвался я, прочищая горло. — Душно здесь. Отойду в бар, возьму чего-нибудь выпить со льдом.

— Ой, давай, конечно! — она радостно замахала рукой, уже наводя камеру на моделей, высыпавших на финальный поклон. — Я потом прибегу, хочу успеть купить каталог!

Я поднялся, поправил полы пиджака и быстрым шагом направился к выходу из подиумного зала. Охрана у дверей мгновенно подобралась, готовая следовать за мной, но я коротко резанул ладонью воздух:

— Оставаться на местах. Никого не впускать.

Вип-бар в лаунж-зоне отеля встретил меня спасительной полутьмой, прохладой кондиционеров и приглушенным джазом. Зал был практически пуст — вся элита всё ещё давилась аплодисментами у подиума.

Я подошел к длинной стойке из темного мрамора, собираясь потребовать двойную порцию бурбона, чтобы залить этот внезапный пожар в паху и голове. Телефон в кармане вибрировал, напоминая о портовых делах и

Рудре, но мысли путались. Я даже забыл, о чем меня спрашивал помощник.

Тут мой взгляд зацепился за фигуру в дальнем конце стойки.

Она.

Кавья Десаи стояла, небрежно опёршись локтем о лакированное дерево. Туфли на шпильках были сброшены прямо на ковер возле её босых ступней. Жемчужный палантин сари слегка сполз с хрупкого плеча, открывая гладкую золотистую кожу. Девушка держала пальцами с безупречным темным маникюром маленькую тяжелую стопку. Секунда и она запрокинула голову, выпивая обжигающую золотую текилу залпом, даже не поморщившись, лишь грациозно прикрыв глаза. Смоляные локоны качнулись по спине.

На моих губах сама собой расползлась медленная, хищная усмешка.

Я неслышно подошел ближе, встав в паре футов от неё, и

негромко бросил бармену:

— Чистый виски со льдом. Односолодовый.

Затем повернул голову в её сторону, в открытую скользя взглядом по обнаженному изгибу её плеча и рассыпавшимся волосам.

— Так вот чем на самом деле занимаются великие творцы сразу после триумфального финала? Прячутся по углам с крепким алкоголем?

Кавья замерла, ее брови медленно дрогнули. Она неторопливо повернула голову, окинув меня тяжелым, оценивающим взглядом из-под густых ресниц. Ни капли страха или трепета перед двухметровым мужчиной в криминально дорогом костюме. Только холодное, колючее раздражение.

— *Простите*? — её голос оказался низким, с хриплыми бархатными нотками, от которых внутри меня натянулась тугая струна. — Это вы сейчас мне?

Бармен молча поставил передо мной тяжелый рокс с янтарной жидкостью и деликатно растворился в служебном помещении.

Я обвел ленивым взглядом абсолютно пустое пространство бара и приподнял бровь:

— Кроме нас двоих здесь только барная стойка. Вряд ли я начал бы вести задушевные беседы с мрамором.

Кавья медленно развернулась ко мне всем корпусом, скрестив руки на груди. Ткань чоли опасно натянулась на её груди, и я с трудом удержал взгляд на уровне её насмешливых

темных глаз.

Десаи смерила меня ледяным взглядом с ног до головы, задержавшись на расстегнутом вороте моей рубашки, и скривила идеальные губы в саркастичной усмешке:

— Подкат не засчитан, мистер. Попробуйте на ком-нибудь из манекенщиц в холле.

С этими словами она подцепила пальцами ремешки своих туфель, развернулась на босых пятках и неторопливо зашагала к приватным лифтам, плавно покачивая бедрами в такт шагам.

Я застыл у стойки, глядя ей вслед.

На губах сама собой снова расплылась широкая, темная ухмылка.

Острая на язык. Гордая, как раджпутская рани.

В голове вспыхнула шальная, опасная мысль: *если она так яростно держит оборону на словах… какая же она необузданная в постели?*

По позвоночнику пробежала сладкая дрожь азарта. Я провел ладонью по лицу, пытаясь отогнать дурман, но вишневый шлейф её духов уже намертво въелся в мои легкие.

Да что с тобой такое, Кулкарни?..

Я вздохнул, поднес бокал к губам и выпил обжигающий виски залпом, чувствуя, как крепкий алкоголь распаляет кровь еще сильнее.

Глава 2

Кавья.

Влажный, душный ветер с Аравийского моря трепал полы моего жемчужного сари, швыряя смоляные пряди в лицо.

Тридцать восьмой этаж «The St. Regis». Открытая терраса вип-крыла была пуста, огни ночного Мумбаи внизу расплывались в мутное золотое марево, а в трубке мобильного разрывался голос, от которого меня тошнило уже добрых полгода.

— …Ты сама во всем виновата, Кавья! — захлебывался желчью Самир. Мой бывший жених и по совместительству редчайший подонок, которого земля носила только по недоразумению. — Нормальная женщина проводит ночи с будущим мужем, а не за швейными машинками! Я изменил тебе, потому что рядом с тобой невозможно чувствовать себя мужчиной! Ты стала холодной, как лед! Вечно в своих гребаных тряпках, показах, контрактах! Ты на меня даже не смотрела! А Реха хотя бы…

— Закрой свой рот, Самир, — мой голос прозвучал так тихо и ядовито, что он на секунду поперхнулся собственным визгом. — Если ты искал себе дешевую прислугу, готовую

раздвигать ноги по первому свистку в перерывах между подачей чая твоей драгоценной мамочке — ты ошибся адресом.

— Да как ты смеешь…

— Катись к черту. Забудь мой номер, забудь мое имя и скажи спасибо, что я не выставила счета за все твои проигранные в Макао долги, которые закрывала из своего фонда. Еще раз наберешь меня — я уничтожу тебя одним звонком. Пошел нахрен!

Я сбросила вызов, сжала титановый корпус смартфона так, что побелели костяшки, и тяжело, прерывисто выдохнула. Грудь под расшитым жемчугом чоли вздымалась от бешеной ярости.

Какая же мразь.

«Ты перестала отвечать мне на близость»…

А на что там было отвечать?! На эгоистичные, сухие тычки раз в месяц между его пьянками? На вечные упреки, что дизайнер — это «неподобающее занятие для будущей невестки»?!

Но обиднее всего было оттого, что часть его ядовитых слов попала в цель. Я пахала как проклятая по восемнадцать часов в сутки. Я построила чертову модную империю с нуля, заставив всю аристократию севера молиться на мои платья, но при этом… *Черт*! Моя собственная интимная жизнь превратилась в пустыню. Последний оргазм у меня случился три месяца назад, и тот, черт побери, во сне!

— *Ненавижу*, — прошипела я в ночное небо, резко разворачиваясь на босых пятках, чтобы уйти с террасы, но с размаху врезалась во что-то монументальное, обтянутое жесткой костюмной шерстью.

От неожиданности я покачнулась, туфли на шпильках, которые я держала за тонкие ремешки, едва не выскользнули из пальцев. Мужская тяжелая рука, с широкой ладонью и стальной хваткой молниеносно легла мне на талию чуть выше бедра, удержав от падения. Теплая кожа его пальцев обожгла мой обнаженный бок сквозь вырез сари.

Я вскинула голову, нервно сдувая непослушный локон со лба, но слова застряли у меня в горле.

Тот самый мужчина из бара.

Двухметровый хищник с жестким, высеченным из камня лицом, широченными плечами и тяжелым взглядом темных, почти черных глаз, в глубине которых сейчас плясали откровенно опасные искры.

Мало мне было триумфального показа, выжавшего из меня все соки. Мало было звонков этого имбецила Самира. Теперь еще и этот…

Кто он вообще такой? Его лицо казалось смутно знакомым. Я точно видела этот холодный разворот скул и властную осанку в закрытых бизнес-хрониках или новостях элиты Махараштры. От него за версту разило огромными деньгами, безнаказанностью и кровью.

— Вы следите за мной? — я попыталась сделать шаг на-

зад, но его ладонь на моей талии не сдвинулась ни на миллиметр.

— Я курил в тени, — его низкий, рокочущий бас прокатился по моим оголенным нервам, как чистый виски. — А потом услышал, как маленькая фурия разносит кого-то на весь этаж. Подумал, вдруг потребуется тяжелая артиллерия для зачистки территории.

Я прищурилась, окинув его ледяным взглядом, затем показательно опустила глаза на его руку, продолжавшую бесстыдно сжимать мою талию.

— Артиллерия справилась сама. Уберите руку.

Он не убрал, лишь медленно, с тягучей мужской насмешкой провел подушечкой большого пальца по тонкой серебряной цепочке на моих бедрах. Тончайшие колокольчики тихо звякнули. Внизу живота сладко и тягуче кольнуло.

Я заставила себя сбросить наваждение, вывернулась из его захвата и зашагала босиком по мягкому ковру коридора в сторону вип-лифтов. Ноги гудели от адской усталости. Целый день на четырнадцатисантиметровых каблуках вымотал меня до предела, несмотря на привычку.

Сзади послышались неторопливые, тяжелые шаги. Мужчина шел следом, уверенно сокращая дистанцию.

— Не боитесь простудиться, мисс Десаи? — лениво поинтересовался он из-за моей спины. — Мрамор ночью коварен.

Я резко затормозила у глухой стены возле панорамного остекления лифтового холла и развернулась. Незнакомец

остановился в полушаге от меня. Возмутительно высокий. Безупречно сшитый темно-синий костюм-тройка, расстегнутый ворот белоснежной рубашки, запах дорогого виски, хорошего табака и чистого, мускусного самца. Абсолютная, подавляющая харизма взрослого, опасного мужчины, который берет то, что хочет, не спрашивая разрешения.

В голове эхом отозвались мерзкие слова Самира: *«Ты стала холодной… ты перестала отвечать мне на близость…»*

Внутри меня сорвало предохранители. Адреналин, обида, трехмесячный голод по мужским рукам и первобытное, дикое притяжение к этому незнакомцу сплавились в гремучую смесь.

Завтра утром мой самолет улетит в Женеву. Мы никогда больше не увидимся. Никто ничего не узнает.

Я разжала пальцы. Мои туфли с глухим стуком упали на ворсистый ковер.

Сделав шаг вперед, я сократила расстояние между нами почти до нуля. Мой указательный палец с темно-бордовым лаком коснулся лацкана его пиджака и медленно, с нажимом скользнул вниз по шелковой ткани, очерчивая твердые, как камень, грудные мышцы. Я подняла на него глаза, заглядывая прямо в черные омуты зрачков:

— И в каком же номере живет мой сталкер?

В его глазах вспыхнул такой пожар, что у меня перехватило дыхание. Он не отстранился, и на его губах расплы-

лась хищная, темная улыбка сытого зверя, загнавшего добычу. Его большая, мозолистая ладонь поднялась к моему лицу. Он медленно, почти бережно заправил выбившуюся волнистую прядь мне за ухо, обжигая кожу кончиками пальцев. А затем его большой палец сместился к моим губам, нажал на нижнюю, слегка оттягивая ее вниз, исследуя мягкость и влажность.

— Могу показать, — хрипло выдохнул мне в губы.

Злость на бывшего, жажда доказать самой себе собственную притягательность и дурманящий тестостероновый запах этого мужчины окончательно снесли плотины. Я подалась вперед и обвила его мощную шею руками, прижимаясь всем телом к его груди. Мужчина глухо зарычал. Его ответ был мгновенным и сокрушительным. Он перехватил меня за талию, оторвал от пола, как пушинку, и одним мощным движением подбросил вверх, намертво зафиксировав широкими горячими ладонями мои ягодицы.

— *Ох*!.. — сорвался с моих губ короткий стон, когда мои бедра инстинктивно обхватили его поясницу.

Тонкий шёлк сари натянулся до предела. Мужчина свободно наклонился, не выпуская меня, подцепил свободной рукой ремешки моих брошенных туфель и размашистым шагом внес меня в открывшиеся двери приватного лифта.

Они закрылись, отрезая нас от остального мира. Незнакомец с размаху прижал меня спиной к холодному зеркалу кабины, оно обожгло лопатки, но в следующую секунду я за-

была, как дышать.

Его губы обрушились на мою шею жадным, горячим, неистовым поцелуем. Он целовал меня везде, где открывалась кожа: ключицы, ямочку у горла, линию челюсти, обнаженное плечо. Зубы слегка прихватывали чувствительную плоть, заставляя меня выгибаться в его руках и сдавленно стонать, запуская пальцы в его густые темные волосы, собранные в пучке на макушке.

— Сводишь с ума… Чертовски огненная, — рычал он между поцелуями, прижимая меня к себе так плотно, что сквозь тонкие слои ткани я всем телом ощущала его каменную, раскаленную эрекцию.

— Бесстыдник… — сорвалось с моих губ.

Он замер на долю секунды, вскинул лицо, впиваясь в мои глаза горящим, собственническим взглядом:

— Этой ночью ты будешь кричать это прозвище до утра.

Ура!

Лифт мягко звякнул, распахивая двери прямо в огромный пентхаус на сороковом этаже. Мужчина внес меня на руках в полумрак гостиной с панорамными окнами на ночной залив, пинком захлопнул тяжелую дверь спальни и швырнул мои туфли куда-то в угол. Через секунду я оказалась на огромной кровати, утопая в графитовых шелковых простынях.

Незнакомец навис надо мной сверху, срывая с себя пиджак и галстук одним яростным движением. Широкие плечи, бугры мышц под тонкой белой тканью рубашки, черная

татуировка с головой рычащего льва, проглядывающая на мощном предплечье… *Боже*. Он был совершенным, пугающим воплощением первобытной мужской силы.

Его пальцы нащупали край моего паллу — жемчужного шлейфа сари.

— Слишком много шелка, Десаи, — хрипло усмехнулся он, скользя взглядом по моей вздымающейся груди.

— Попробуй развязать, Кулкарни, — вызывающе выдохнула я, закусив губу. — Если терпения хватит.

— У меня чертовски много терпения, но не сегодня.

Он не стал рвать ткань грубо, но его сильные, ловкие пальцы распустили сложнейшие драпировки на моей талии с хищной, почти гипнотической уверенностью. Шелк мягкой волной сполз на пол. Серебряный камарбандх с тихим, мелодичным перезвоном колокольчиков дал знать о себе.

Я осталась перед мужчиной лишь в крошечном парчовом чоли и тончайших кружевных трусиках. Его зрачки расширились, затопив радужку чернильной тьмой. Взгляд мужчины упал на мою узкую талию, плоский смуглый живот и округлые бедра.

— Какая же ты… *совершенная*, — глухо выдохнул, и его голос сорвался на звериный хрип.

Незнакомец навалился сверху, вдавливая меня в матрас тяжестью своего тела. Руки впились в мои запястья, прижав их к подушкам над моей головой. Он не давал мне пошевелиться, подчиняя себе полностью.

Его рот накрыл мой в глубоком, сокрушительном поцелуе, целовал меня не как любовник, а как завоеватель: жестко, глубоко, властно исследуя языком каждый миллиметр моего рта, выпивая мои сдавленные вскрики. Я плавилась под ним, отдавая инициативу, отвечая на его напор с такой же первобытной жадностью.

Мужские пальцы сорвали застежки чоли, освобождая мою грудь. Прохладный воздух спальни овеял соски лишь на мгновение, в следующую секунду горячий, шершавый язык мужчины сомкнулся на затвердевшем соске.

— А-а-ах!.. — я выгнулась дугой, запрокидывая голову, ногти впились в его широкие ладони.

Он терзал мою грудь губами и зубами, посасывая, слегка прикусывая, пока я не начала извиваться под ним в исступлении. Вторая его рука скользнула вниз по моему животу, заставив колокольчики на серебряной цепочке звенеть от каждого моего судорожного вдоха. Мозолистые пальцы нырнули под тонкую полоску кружева, нащупывая мое лоно, и мужчина издал низкий, утробный рык прямо мне в ключицу:

— Боги… Ты уже течешь ради меня, куколка. Вся мокрая…

— *Пожалуйста…* — сорвался с моих губ молящий стон.

Я больше не помнила себя, вся гордость, весь холодный расчет испарились в этом раскаленном пламени.

Но мужчина заставил меня ждать. Медленно, методично раздвинул мои бедра шире, и опустился лицом между мо-

их ног. Когда горячий, влажный язык впервые коснулся моего набухшего клитора, я закричала, вцепившись пальцами в простыни.

Это было безумием. Незнакомец ласкал меня глубоко, властно, жадно вылизывая каждый сок, не обращая внимания на мои отчаянные попытки свести бедра от слишком острой чувствительности. Держал мои ноги разведенными своей стальной хваткой, упиваясь моими стонами, доводя меня до порога безумия.

— Я сейчас… господи!..

Первый оргазм накрыл меня сокрушительной, ослепляющей волной. Мышцы свело сладкой судорогой, я билась в его руках, всхлипывая от переизбытка чувств, а он продолжал неторопливо пить мою влагу, смакуя мою капитуляцию.

Но передышки мне никто не дал.

Мужчина поднялся на колени. Сбросил брюки и белье одним яростным движением. В полумраке комнаты я увидела его стояк — огромный, с темными вздутыми венами, капающий прозрачной смазкой от нетерпения.

Он перехватил мои щиколотки, закинув мои длинные ноги себе на мощные плечи, складывая меня пополам. Головка уперлась в мой пульсирующий, истекающий влагой вход.

— Смотри на то, как я трахаю тебя. И наслаждайся. Больше у тебя такого не будет.

И вошел в меня одним мощным, неотвратимым, глубоким толчком во всю длину.

— А-А-А-А-Х-Х!.. — мой крик разрезал тишину комнаты.

Мужчина заполнил меня до предела. Лоно обожгло диким, разрывающим жаром. Он был слишком большим, слишком твердым, но моя податливая плоть жадно приняла его внутрь, обхватив стальным кольцом. Мой сталкер замер на секунду, сжав зубы, на его лбу и мощной шее вздулись вены от чудовищного наслаждения.

— *Блять…* — прохрипел он в исступлении. — Какая же ты узкая… Создана для меня.

Он начал безжалостно, глубоко, яростно двигаться. Вбивал себя в меня до самого основания, задавая бешеный, разрушительный темп. Звуки влажных, хлестких шлепков тел разлетались по комнате, смешиваясь с непрерывным, тонким перезвоном серебряных колокольчиков на моей талии. Мужчина наклонялся вперед, впиваясь в мои губы жадными поцелуями, затем опускался ниже, прикусывая ключицы, оставляя на смуглой коже багровые метки своих зубов. Его ладони сжимали мои бедра, оставляя синяки, направляя каждое мое движение.

Я стонала в унисон с его толчками, царапала его мускулистую спину до кровавых полос, сгорая заживо в этом пожаре. Я растворялась в нем без остатка, насаживаясь на его член с той же дикой, ненасытной жаждой.

— Ты моя этой ночью… — рычал он мне в ухо, сбиваясь на тяжелый хрип. — Слышишь меня?! Только моя!

— Да… — простонала я, теряя рассудок, не в силах сопротивляться этой первобытной силе. — Да… еще!..

Темп стал невыносимым, каждое его движение отзывалось электрическим взрывом внизу живота. Он доставал почти до самого дна, терзая самую чувствительную точку внутри меня.

Вторая волна оргазма накатила внезапно, выбив из моих легких весь воздух. Тело забилось в сладких конвульсиях, лоно сжало его член судорожными, пульсирующими тисками.

Мужчина глухо, по-звериному зарычал, сделал еще три мощных, сокрушительных толчка до упора, и сорвался следом за мной. Горячее, пульсирующее семя толчками выплеснулось в глубину моего раскаленного тела, заполняя меня целиком.

Незнакомец рухнул на меня сверху, тяжело, хрипло дыша, уткнувшись мокрым от пота лицом в изгиб моей шеи. Его тяжелое сердце бешено колотилось о мои ребра.

Так мы лежали неподвижно посреди сбитых простыней, в полумраке комнаты, пахнущего сексом, мускусом и горячим потом несколько минут перед началом нового раунда.

Глава 3

Глава 4

Кавья.

Четыре месяца пролетели как бесконечный, лихорадочный вдох.

Я замуровала себя в работе. Цюрих сменился Женевой, затем был Париж, а последние шесть недель моим домом снова стал Милан. Европейская пресса захлебывалась восторгами: «KĀVYA DESAI / HÉRITAGE» окрестили главным восточным феноменом десятилетия. Мои жакеты из гуджаратского шёлка с золотой канителью носили голливудские актрисы, а за право одеваться в мои свадебные лехенги дрались наследницы европейских банкиров.

Сегодня решалась судьба пятилетнего контракта. Закрытый шоурум в старинном палаццо на виа Монтенаполеоне был залит солнцем Ломбардии. За гигантским столом из мореного дуба сидели седовласые итальянские текстильные магнаты — Моретти. На манекенах переливался тяжелый жаккард и струилась тончайшая шелковая органза.

— *Magnifico, signora Desai,*— с благоговейным придыханием произнес синьор Моретти, проводя сухими пальцами по сложнейшей вышивке зардаузи. — Это чистое искусство.

Мы готовы подписать эксклюзив на поставку миланского бархата прямо сейчас.

Рядом со мной Рейан Шах, одетый в безупречную темно-серую тройку, расплылся в своей фирменной, дипломатичной улыбке чеширского кота, уже пододвигая кожаную папку с гербовыми соглашениями. Ирая Вора на другом конце стола победно сверкнула очками, выводя на планшете семизначные суммы страховых депозитов.

Пять миллионов евро. Триумф, к которому дизайнеры идут десятилетиями.

Я вежливо улыбнулась, поправляя пояс своего графитового брючного костюма от собственного дома.

В груди кольнуло предательское, фантомное тепло. Воспоминание вспыхнуло мгновенно: чужие, мозолистые пальцы, играющие серебряными колокольчиками моего камарбандха… горячее дыхание у самого уха… хриплый, собственнический бас: *«Этой ночью ты будешь кричать это прозвище до утра»*.

Прекрати!

Я мысленно хлестнула себя по щекам.

Четыре месяца прошло. Он остался в Мумбаи, а я — здесь. У каждого своя жизнь.

Я взяла в пальцы тяжелую перьевую ручку с золотым пером, собираясь поставить подпись под первым параграфом. В эту же секунду тишину палаццо разорвал резкий, вибрирующий звук. Мой личный телефон, лежавший на столе экра-

ном вверх, задрожал, скользя по лакированному дубу. На стекле крупно горело имя: «***Нирва***».

Моя младшая сестра.

Сердце внутри тревожно споткнулось. После того как я вышвырнула вон Самира и расторгла помолвку, отец окончательно объявил меня отрезанным ломтем. Младшим — Деву и Нирве — под страхом лишения наследства было запрещено даже упоминать мое имя. Брат и сестра писали мне тайком раз в месяц, глубокой ночью, короткими смайликами в закрытом мессенджере.

Она редко не звонила. Тем более посреди бела дня.

Я нахмурилась и решительно смахнула вызов пальцем. Перезвоню через двадцать минут, как только закроем сделку.

Опустила перо на гербовую бумагу, но экран вспыхнул снова. Рейан бросил на меня быстрый, предостерегающий взгляд из-под стекол очков, а синьор Моретти деликатно отвел глаза, давая понять, что звонки посреди подписания дурной тон.

— Прошу прощения, господа, — мой голос прозвучал ровно, но ладони были уже ледяными. — Семейный вопрос. Одна минута.

Я поднялась из-за стола, сжав трубку в кулаке, и быстрым шагом отошла в дальний арочный эркер с видом на готические шпили собора. Нажала кнопку приема, прижимая динамик к уху:

— Нирва, милая, у меня важнейшая встр…

Из трубки вырвался хриплый, удушливый, животный вой.

— *Кавита*… — голос двадцатилетней Нирвы сорвался на визг, захлебываясь слезами.

На заднем плане стоял оглушающий женский плач, крики теток, звон посуды и тяжелое, низкое пение погребальных мантр. — Кавита, пожалуйста… умоляю тебя, прилетай…

Внутри все оборвалось и с грохотом полетело в пропасть.

— Нирва? Что стряслось?!

— Ба… — сестру затрясло в судорожном рыдании, слова вылетали рваными ошметками. — Ба Савитри… Ее больше нет, Кавита! Она умерла!

Мир вокруг меня не просто остановился. Он умер. Звук в ушах выключился, будто кто-то перерезал кабель. Голоса итальянских магнатов за спиной, щелканье зажигалки Моретти, шорох шелка — все превратилось в глухой, тяжелый вакуум, заполненный белым шумом. Земля под ногами качнулась.

Я судорожно вцепилась побелевшими пальцами в холодный мрамор подоконника, чувствуя, как немеют колени.

— Что… что ты сказала?.. — мой шепот был едва слышен мне самой.

— Сердечный приступ… — всхлипывала Нирва в трубку, захлебываясь слезами. — Она… она вышла во внутренний дворик полить свой любимый туласи, села в плетеное кресло… и просто не проснулась, Кавита! Врач приехал через

двадцать минут, но было поздно… Они готовятся к кремации… Отец орет, чтобы ее кремировали завтра до заката, как положено по обычаю… Ты не успеешь, если не прилетишь прямо сейчас! Кавита, я умоляю тебя, приезжай! Я потяну время, как смогу!

Связь оборвалась. Короткие гудки забили по моим вискам раскаленными гвоздями.

Ба Савитри больше нет.

Четыре слова и моя вселенная разлетелась на куски, как дешевое стекло. Перед глазами, обжигая память, замелькали картины.

Ее маленькие, иссохшие, сухие ладони, пахнущие кардамоном, сандалом и топленым маслом. Ее морщинистое, доброе лицо, на котором никогда — ни единого раза в жизни — не появлялось осуждения. Когда мне было шестнадцать, и отец избил меня бамбуковой тростью за то, что нашел в моих школьных тетрадях эскизы открытых платьев вместо конспектов по экономике, именно Ба заперла меня в своей спальне. Она всю ночь прикладывала к моим синим плечам холодную куркуму и тихо шептала на гуджарати: *«Ты птица, моя девочка. А птицы не должны жить среди тех, кто умеет только ползать. Рисуй. Я защищу тебя»*.

А потом… тот промозглый вокзал в Ахмедабаде. Мне двадцать два. Отец кричит, что проклянет меня, если я посмею уехать в Европу. И Ба Савитри — гордая, прямая, как стрела, несмотря на свои семьдесят пять лет. Она сняла с

запястий тяжелые золотые браслеты — единственное приданое, оставшееся от ее покойного мужа, — вложила мне в дрожащие пальцы и сказала: *«Продай их, Кавита. Езжай в свой Милан. Заставь этих белых людей склонить головы перед твоим талантом. И никогда ни перед кем не опускай глаз»*.

Я исполнила ее мечту. Я покорила этот чертов Милан. Но меня не было рядом, когда она умирала в своем плетеном кресле. Я променяла последние вздохи единственного человека, который любил меня просто так, на итальянские контракты, отрезы бархата и пустые светские рауты.

Из моих глаз беззвучно, выжигая кожу, хлынули горячие, крупные слезы. Дышать стало нечем, горло сдавило железным обручем.

— *Кавья*? — раздался сзади встревоженный, напряженный голос Ираи.

Моя правая рука уже стояла в шаге от меня, вглядываясь в мое побелевшее лицо.

— Кавья, ради бога, что произошло? На тебе лица нет!

Следом подошел Рейан. Его вечная саркастичная улыбка мгновенно сползла, брови сошлись на переносице:

— Ливи? Кто звонил?

Я медленно повернулась к ним. Мой взгляд, должно быть, выглядел настолько жутким и мертвым, что оба моих ближайших соратника инстинктивно отшатнулись.

— *Рейан*, — мой голос прозвучал тихо, сухо, как шелест

наждачной бумаги. — Закрой папку.

Шах моргнул, не веря своим ушам:

— *Что*?.. Кавья, опомнись, Моретти ждут подписи. Это контракт на пять миллионов евро! Наше европейское будущее…

— ЗАКРОЙ ЧЕРТОВУ ПАПКУ! — рявкнула я с такой нечеловеческой, дикой яростью, что хрустальные подвески на люстрах палаццо отозвались тонким звоном, а итальянцы за столом ошарашенно замерли.

Я сделала судорожный вдох, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони, и посмотрела прямо в расширенные глаза Ираи:

— Ирая, отмени всё, — каждое слово падало с моих губ тяжелым свинцом. — Все встречи. Все показы. Все примерки на ближайший месяц. Плевать на неустойки, плевать на суды, плевать на контракты. Найди мне ближайший рейс в Мумбаи. Прямой, кривой, через Дубай, через Доху — мне плевать. Я должна быть в Индии завтра утром.

Рейан не стал спорить, его лицо мгновенно стало жестким и собранным. Он молча развернулся к итальянцам:

— Господа, форс-мажор семейного характера первой степени. Переговоры переносятся на неопределенный срок. Приношу глубочайшие извинения.

Ирая уже лихорадочно барабанила ногтями по экрану смартфона, вызывая диспетчера частной авиации:

— Есть транзитный борт через Стамбул через сорок ми-

нут из Мальпенсы. Мы успеваем, если помчим с мигалками!

— Едем.

Я схватила только сумку с документами, и выбежала из старинного палаццо под миланское небо.

***

Восемь часов спустя. Где-то в небе.

В салоне ночного лайнера царил полумрак. Монотонный, глухой гул реактивных двигателей убаюкивал некоторых пассажиров первого класса, но для меня он звучал как похоронный набат. Я сидела у темного овального иллюминатора, подобрав под себя ноги в мягких носках, укутавшись в черный плед. Кожа лица стянулась от высохших слез. Макияж давно смыт ледяной водой в тесной кабинке туалета. Без каджала, без золотых украшений, с растрепавшимися волосами, стянутыми в небрежный узел я снова чувствовала себя той испуганной шестнадцатилетней девчонкой, которую некому защитить.

Ба больше нет.

Ниточка, связывавшая меня с родом Десаи, оборвалась навсегда.

Я знала, *ЧТО*ждет меня на родной земле через пару часов.

Отец, чье лицо перекосит от ненависти, едва он увидит меня на пороге. Мать, которая будет картинно заламывать руки и обвинять меня в том, что я «довела бабушку до могилы своим позором». Дядья, жадные до чужих денег, кото-

рые будут делить наследство еще до того, как остынет погребальный пепел.

Весь этот лицемерный, ядовитый серпентарий, прикрывающийся традициями предков.

Они сделают все, чтобы растоптать меня. Чтобы показать мне мое место.

Я закрыла глаза, с силой сжав кулаки под пледом так, что ногти до боли впились в ладони. Боль утраты медленно, капля за каплей, вытеснялась глухой, несокрушимой яростью.

Я не сломаюсь.

Я еду не вымаливать прощение у отца. Я еду не слушать упреки семьи. Я еду отдать последний долг единственной женщине, благодаря которой я стала той, кто я есть.

Глава 5

Кавья.

Воздух Мумбаи встретил меня тяжёлой духотой. Я вышла из стеклянных дверей Терминала 2 в простом чёрном брючном костюме из матового шёлка, без единого украшения, натянув тёмные очки на воспалённые от слёз глаза. Среди пёстрой, кричащей толпы встречающих с картонными табличками я невольно скользнула взглядом по лицам. Ни высокой, строгой фигуры отца, ни матери в привычном хлопковом сари.— Они не приехали, Кавита… — раздался тихий, дрожащий голос справа от меня.

Я резко повернула голову.

Нирва стояла в двух шагах, кутаясь в белое траурное хлопковое дупатта. Лицо сестры опухло от слёз, губы мелко вздрагивали. Рядом с ней, ссутулив широкие плечи, стоял наш младший брат Дев — в простой белой курте, со сжатыми до белизны кулаками.

Нирва бросилась ко мне первой. Вцепилась в мои плечи, уткнувшись лицом в воротник моего жакета, и глухо зарыдала, сотрясаясь всем телом. Дев подошёл следом, молча обхватив нас обеих своими длинными руками, утыкаясь лбом

в мои волосы.

Я больше не могла плакать. Слез не осталось, внутри всё онемело от долгого перелёта и не отпускающей боли.

— Отец кричал, что если мы поедем в аэропорт, то можем ночевать на улице, — глухо, едва разжимая зубы, проговорил Дев мне в ухо. — Мы поймали рикшу на шоссе, как только он вышел в лавку за благовониями.

Я лишь медленно прикрыла глаза за тёмными стёклами. Никакого удивления. Отец всегда держался за своё уязвлённое самолюбие крепче, чем за собственных детей. Семья никогда не была богатой: жили скромно, считали каждую рупию, но оглядывались на чужое мнение так, будто от взглядов соседей по кварталу зависела наша жизнь.

— Спасибо, что приехали, родные, — мой голос прозвучал бесцветно и сухо. — Поехали. Мы должны успеть.

***

Дорога до старого района, где в скромном двухэтажном кирпичном доме прошло всё моё детство, сквозь густые пробки казалась бесконечной. На узкой улице перед домом было тесно от мопедов и простых старых машин. Двор перед крыльцом заставили простыми пластиковыми стульями, в воздухе стоял тяжёлый, горьковатый запах горящей камфоры, сухой древесины и дешёвых поминальных благовоний.

Собрались родственники, соседи по переулку, пожилые

торговцы из лавок, знавшие нашу семью тридцать лет. Женщины в простых белых хлопковых сари сидели на циновках прямо на цементном полу веранды, вполголоса читая молитвы. Мужчины стояли у забора, тихо переговариваясь. И прямо в центре двора, на низком деревянном помосте, покрытая белым саваном и усыпанная скромными головками бархатцев, покоилась Ба Савитри.

Моё сердце сжалось так, словно его сдавили ледяными тисками. Едва мои шаги зазвучали на потрескавшемся бетоне дорожки, молитвы оборвались. Нависла тишина, знакомые с детства лица соседей вытянулись, по рядам тёток пробежал тихий, ядовитый шепоток.

Возле помоста стояли родители. Отец, Динеш Десаи — всю жизнь проработавший скромным бухгалтером, ссутулившийся, в поношенной белой хлопковой курте, с окаменевшим лицом. И мать — Манджула Десаи. Женщина, для которой страх «что скажут люди» всегда был важнее счастья дочерей. Её лицо было перекошено обидой и злостью, а в пальцах она нервно комкала выстиранный ситцевый платок.

Я сбросила туфли у края дорожки и, не глядя ни на кого вокруг, шагнула вперёд. Я не замечала чужих переглядываний, не слышала вздохов родни. Я видела только спокойное, исхудавшее лицо бабушки.

Я опустилась на колени перед помостом, протягивая дрожащие руки, чтобы коснуться её стоп и попросить последнее благословение.

Старая бамбуковая трость с сухим стуком упёрлась мне прямо в ключицу, заставляя замереть на месте.

— Не смей, — голос отца разрезал тишину двора.

Я медленно подняла голову.

Динеш Десаи смотрел на меня сверху вниз так, будто перед ним сидела не родная дочь, а чужой человек, принёсший в дом беду.

— *Отец*… — пересохшие губы едва повиновались мне. — Позволь мне коснуться её. Это моя Ба.

— У тебя больше нет здесь Ба, — отчеканил он громко, нарочито разнося каждое слово по тесному двору, чтобы слышал каждый сосед, каждая кузина, каждый старик из общины. — И семьи у тебя больше нет! С того самого дня, как ты разорвала помолвку и опозорила наше имя перед его роднёй! Они помогали нам, а ты плюнула им в лицо и улетела продолжать строить из себя важную госпожу!

— Самир сам виноват… — попыталась сказать я, чувствуя, как ком перехватывает горло.

— Замолчи! — сорвалась мать, сделав шаг вперёд и сверкая полными слёз и бешенства глазами. — Вечно ты ищешь виноватых! Гордыня твоя проклятая покоя тебе не давала! Мало тебе было нормальной жизни, всё в свой Милан рвалась, всё тряпки свои шила! Савитри из-за твоих выходок только и пила сердечные капли, ночей не спала, когда газеты писали про сорванную свадьбу! Из-за твоей черствости сердце её и не выдержало! Ты её до могилы довела своим

эгоизмом!

Слова матери обожгли больнее раскалённого железа.

«Ты её до могилы довела…»

— Мама, прекрати, она не виновата! — произнес Дев из-за спин мужчин, пытаясь протиснуться ко мне, но Нирва схватила его за плечи, с яростью глядя на родителей.

— Вон со двора, — Динеш Десаи толкнул тростью сильнее, заставляя меня покачнуться на коленях. — Ты не прикоснёшься к ней, не пойдёшь за её погребальными носилками. Твои руки запятнаны позором, и ты не осквернишь погребальный костер моей матери. Пошла вон!

Дядя Рамеш, мамин брат, неловко кашлянул и сделал шаг вперёд, беря меня под локоть, чтобы увести и не разводить скандал перед всей улицей. Соседи отводили глаза, кто-то осуждающе качал головой, кто-то с любопытством наблюдал за чужой семьей.

Меня вывели за хлипкую железную калитку и захлопнули засов. Ноги подкосились в ту же секунду. Я опустилась прямо на пыльный край тротуара у забора, упёршись ладонями в нагретый камень. Плечи затряслись в судорожном, беззвучном плаче, от которого перехватывало дыхание.

Они не дали мне проститься.

Они выставили меня бессердечной дрянью перед людьми, с которыми Ба делила хлеб сорок лет, и захлопнули калитку перед носом той, за чьё будущее бабушка когда-то отдала всё своё золото.

— Кавита!

Железная калитка тихо скрипнула, по гравию торопливо зашуршали шаги.

Нирва упала на колени прямо в пыль, обхватила моё лицо мокрыми, дрожащими ладонями и заглянула в глаза:

— Успокойся, Кавита… Пожалуйста, дыши! Не слушай их! Ба любила тебя больше всех нас, ты же знаешь! Она каждый вечер садилась у окна и смотрела твои фотографии из журналов, молилась за тебя! Вставай, малышка, не сиди на земле…

Сестра с неожиданной силой потянула меня вверх, заставляя подняться на ноги, и стала торопливо отряхивать серую дорожную пыль с моих брюк. Затем опасливо оглянулась на дом, запустила руку под складки дупатта и вытащила тяжёлый сверток, аккуратно завязанный в выцветший кусок хлопковой ткани.

Она бережно вложила его в мои онемевшие пальцы.

— Что это?...

— Шкатулка Ба, — зашептала Нирва, сжимая мои руки своими холодными пальцами. — Та самая, резная из тика, которую дедушка подарил ей на рождение отца. Она всегда прятала её на дне сундука под старыми сари. За два дня до того, как сердечный приступ случился… она подозвала меня к кровати. Сжала мою ладонь крепко-крепко и сказала: «*Когда приедет Кавита, отдай это ей. Только ей в руки. Ни отцу, ни матери не показывай*». Забери её, Кавита.

Я прижала полированное дерево к груди у ребер. Сквозь хлопковую ветошь пробился едва уловимый, знакомый с раннего детства запах Ба. Слёзы снова обожгли глаза, но теперь они смывали ядовитую горечь родительских обвинений.

Ба думала обо мне. Ба оставила мне свою память.

— Беги назад, Нирва, — я быстро вытерла щёки сестры ладонью и поцеловала её в лоб. — Отец хватится тебя. Я обязательно свяжусь с вами, как только всё утихнет.

— Береги себя, Кавита, — шепнула Нирва, испуганно оглянулась и юркнула обратно за калитку.

Щёлкнул ржавый засов. Я осталась одна на пыльной улочке старого квартала. С моря надвигалась тяжёлая серая туча, в воздухе пахло первыми каплями дождя.

Дрожащими пальцами я достала из кармана смартфон и набрала номер Ираи. Шёл пятый гудок, когда в трубке раздался её напряжённый, деловой голос:

— Кавья?! Ты добралась?

— Ирая… — я сделала глубокий вдох, стараясь протолкнуть воздух в сжатые спазмом лёгкие. Голос дрожал, но привычка держать удар перед миром помогла собраться. — Меня только что выставили из семейного дома на глазах у половины квартала и родственников. Отец наговорил страшных вещей при свидетелях. Среди них найдутся те, кто побежит с этим к репортёрам.

На том конце повисла короткая, тяжёлая пауза.

— *Кавья…*

— Ирая, свяжись с нашим пиар-агентством здесь, в Мумбаи, — перебила я её, чувствуя, как внутри разливается холодная собранность. — Если хоть одно дешёвое городское издание или светский блогер попытается тиснуть сплетню о том, что «Кавью Десаи с позором выгнали с похорон бабушки» — гасите это на корню. Предупредите их о судебных исках за клевету. Мне не нужна грязь вокруг дома и имени Ба.

— Я сейчас же позвоню нашему медиа-юристу и в агентство, — твёрдо отозвалась Ирая, но её тон мгновенно сменился искренней тревогой: — Всё сделаем, Ливи, не переживай ни о чём. А теперь скажи… как ты сама?

Я сильнее прижала деревянную шкатулку, закрыла глаза и прерывисто выдохнула:

— Я… в порядке, Ирая.

— Ты не в порядке, родная, я же слышу. Мои соболезнования… но тебе нельзя сейчас быть одной на улице в таком состоянии. Возвращайся лучше в свою квартиру, или в мастерскую в Колабе, запрись там, отдохни…

— Мне нужно немного посидеть в тишине. Не волнуйся, я на связи.

Я сбросила вызов, вышла на оживлённый перекрёсток, поймала такси и попросила довезти меня до тихой улочки в районе старой набережной.

***

Небольшое скромное кафе в колониальном переулке пахло свежим кофе и дождем. За окнами уже шумел настоящий тропический ливень, сбивая с деревьев мокрые листья.

Я села за дальний угловой столик у стены, заказала чашку крепкого чёрного кофе и опустила свёрток со шкатулкой на деревянную столешницу. Пальцы медленно развязали старую ткань. Под ней блеснуло тёмное полированное дерево. Простая резьба по краям — мелкие цветы и листья, потускневшие от времени медные петли. Я провела подушечками пальцев по прохладной крышке, не решаясь открыть её прямо здесь. Казалось, стоит поднять защёлку и хрупкая память о Ба возродит во мне новую порцию слез.

Я просто сидела, грея ладони о горячую кружку и глядя на шкатулку сквозь пелену непролитых слёз.

В какой-то момент по затылку пробежал странный, ледяной холодок. Волоски на руках встали дыбом. То самое чувство чужого пристального внимания, от которого внутри всё инстинктивно сжимается.

Я замерла, не делая резких движений. Медленно, стараясь выглядеть совершенно спокойной, подняла взгляд от деревянной крышки и поверх чашки окинула полупустой зал кафе. В противоположном углу, возле широкой кирпичной арки, сидел мужчина. Простая тёмная куртка, чёрная потёртая бейсболка, надвинутая почти до переносицы. На столе перед ним стоял стакан воды, к которому он даже не притронулся.

Он в открытую, не моргая, буравил меня тяжёлым, изучающим взглядом из-под козырька. А пальцы его правой руки медленно постукивали по боковой грани смартфона, лежащего экраном вниз.

Внутри всё похолодело.

Это не случайный прохожий, уставившийся на незнакомую девушку. В этом взгляде была сухая, расчётливая настороженность. Так смотрят люди, которые отрабатывают чужое поручение.

*Кто это?*Кто-то из любопытных знакомых семьи? Или просто совпадение?..

Сердце застучало тяжело и часто. За один день на меня обрушилось слишком много, чтобы сейчас спокойно разбираться в чужих странностях.

Я быстро достала из сумочки несколько купюр, бросила их на стол возле чашки, подхватила шкатулку Ба и поднялась из-за стола. Мужчина в бейсболке шевельнулся, его ладонь накрыла смартфон.

Я не стала медлить. Натянув тёмные очки, снова прижала шкатулку к груди и быстрым шагом вышла из кафе прямо под шумные струи тёплого мумбайского ливня, на ходу высматривая свободное такси и чувствуя спиной этот тяжёлый, недобрый взгляд.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.